

Сегодня в Шанцзине лило как из ведра, и все, кто ходил по улицам, вынуждены были пробираться сквозь воду. Лошади скакали галопом, вздымая брызги и перешагивая через лужи, в то время как сверкали молнии и грохотал гром. Ли Цзяньхун был одет в старую простую одежду, которую он всегда носил, его штанины были закатаны под деревянные сандалии, и он нес Дуань Лина, шагая по улице. На спине у отца Дуань Лин держал зонтик, пока они изучали список успешно сдавших экзамены, вывешенный на стене.

Площадь перед объявлением была заполнена слугами, и только они двое пришли посмотреть на список имен лично.

— Мое имя там. Восьмой! Восьмой!

— Ну, естественно, мой сын бы справился.

Дуань Лин кричал «восьмой, восьмой, восьмой!», а Ли Цзяньхун, неся его в Академию Биюн, забавлялся. Привратник подошел к нему.

— Слугам вход воспрещен. У нас есть люди, которые могут устроить вашего молодого господина.

— Он мой отец, — сказал привратнику Дуань Лин.

Тот несколько раз оглянул Ли Цзяньхуна с ног до головы, но в конце концов ему ничего не оставалось, как пропустить его внутрь.

Они почти полностью вымокли. Студенты Академии Биюн не регистрировались до полудня, поэтому Дуань Лин получил жетон с его именем, записался и нашел свою комнату. Как только дождь начал стихать, Ли Цзяньхун велел сыну подождать в комнате, пока он сходит домой за всем необходимым.

После того как постель была застелена, одеяла сложены, а сын выпил имбирный суп, чтобы не простудиться, Дуань Лин сказал отцу:

— Ты должен идти домой. Вечером здесь, наверное, как в Прославленном зале, подадут ужин.

Ли Цзяньхун кивнул ему. Людей в комнатах становилось все больше и больше. Он надел бамбуковую шляпу, скрывающую небольшую часть лица, и, прислонившись к окну, разговаривал с Дуань Лином.

— Убедись, что знаешь, где лежат твои вещи, не клади их где попало. В школе все не так, как дома, и, если ты что-то потеряешь, никто не будет искать это за тебя.

Дуань Лин утвердительно хмыкнул, и Ли Цзяньхун добавил:

— Убедись, что ешь вовремя все три раза в день.

Все больше и больше молодых людей проходили оформление, приветствуя друг друга снаружи. Дуань Лин несколько раз издал «мгм» и проводил Ли Цзяньхуна через черный ход, держа его за руку. Ему еще меньше хотелось расставаться с Ли Цзяньхуном, чем Ли Цзяньхуну с ним, но он знал, что должен был сдерживать слезы. Иначе, если он расплачется, Ли Цзяньхун будет только сильнее дразнить его.

— Тебе лучше пойти домой, папа. Я сам могу о себе позаботиться.

Прошло всего несколько месяцев с момента приезда Ли Цзяньхуна, но Дуань Лин уже почти забыл, как ему удалось прожить годы в Прославленном Зале.

— Ты иди, — сказал Ли Цзяньхун. — Больше не беспокойся обо мне. Я приду к тебе, когда у меня будет время.

Дуань Лин слегка кивнул, а затем внезапно подбежал к нему, обхватил за талию и потерся лицом о его грудь. После этого он отпустил его и убежал, не сказав ни слова.

Ли Цзяньхун стоял за дверью и смотрел в пустоту заднего двора.

— Не стоит так жалеть о расставании с ним, — посоветовал привратник, — ваш сын будет учиться и добьется почета в науке, верно? Ступайте домой, ступайте.

Ли Цзяньхун медленно выдохнул, и его деревянные сандалии заскрипели по каменной мостовой.

Дуань Лин с красными глазами бежал по другую сторону стены, догоняя Ли Цзяньхуна и заглядывая на ходу за стену; только когда отец ушел далеко, он откинулся в угол, протер глаза и повернулся, чтобы уйти.

Ночь после дождя была ясной, и в воздухе витал свежий аромат. Дуань Лин вернулся в свою комнату, но застал там Цай Вэня, который застилал другую кровать, Цай Янь стоял рядом и наблюдал за ним.

— Не клади свои вещи где попало, — сказал ему Цай Вэнь, — это не твой дом, если ты что-то перепутаешь, никто не будет тебе искать.

Дуань Лин не мог удержаться от смеха, и Цай Вэнь кивнул ему.

— Вы двое, заботьтесь друг о друге.

Дуань Лин подошел к Цай Вэню, и они похлопали друг друга. Он оставил еще несколько указаний и немного денег, а затем ушел.

— Ты тоже здесь, — сказал Цай Янь.

Дуань Лин видел, что Цай Янь пришел первым, и знал, что он обязательно будет здесь, но он никогда не думал, что они будут соседями по комнате. Цай Янь добавил:

— Хэлянь Бо напротив. У него отдельная комната.

Дуань Лин побежал здороваться Хэлянь Бо, тот просто кивнул и сказал Дуань Лину:

— Бату, у... ушел.

— Ага, — кивнул в ответ Дуань Лин. — С ним все будет в порядке.

Хэлянь Бо заулыбался. Он показал на себя, а затем сделал пальцами жест «ходьбы». Дуань Лин понял, что он имел в виду, и сказал:

— Пойдемте за едой.

Многие ребята в Академии Биюн знали друг друга. Семья Хань не явилась, и говорили, что они вернулись в Чжунцзин. Спустя несколько месяцев, проведенных в разлуке, все словно обзавелись странным талисманом, наклеенным на них с момента поступления в академию. Молодые люди стали более зрелыми и собранными, добавили к фамилиям, которыми они приветствовали друг друга, почетное обращение «сюн»... и каждый раз, когда они встречались лицом к лицу, они отдавали честь, держа кулак в руке, с кивком и улыбкой.

Встреча с одноклассниками несколько смягчила грусть от разлуки с отцом, но, закончив ужинать и вернувшись в свою комнату, Дуань Лин снова почувствовал себя одиноким, ворочаясь на кровати. Он скучал по теплу отцовского тела, по температуре его кожи, проникающей сквозь тонкую нижнюю рубашку, по тому, как часто он дышал и билось его сердце, когда его голова лежала на отцовской руке.

— Комары? — спросил Цай Янь.

— Нет.

Дуань Лин не решался пошевелиться, чтобы не потревожить сон Цай Яня. Он впервые жил в

одной комнате с одноклассником и изо всех сил старался быть осторожным, не желая его беспокоить.

— Тоскуешь по дому? — спросил Цай Янь.

— Вовсе нет, — ответил Дуань Лин. — Когда мы были в Прославленном зале, разве я тоже не жил совсем один?

— Ага. А где же твой муж? Еще не вернулся?

— Нет.

Дуань Лин вспомнил, какие нелепые вещи он когда-то говорил Цай Яню, и не смог удержаться от смеха.

— Мой отец здесь, и он отправил его поработать.

Цай Янь повернул голову и взглянул на него — лунный свет случайно проник в комнату, освещая его красивое лицо. Дуань Лин снова посмотрел на Цай Яня, когда тот произнес:

— Мы не похожи, правда?

Дуань Лин неясно ответил:

— Что?

— Мы с братом. Все всегда так говорят.

Но Дуань Лин думал не об этом, а о том, как вырос Цай Янь. Но раз уж он это сказал, Дуань Лин утвердительно ответил.

— У нас разные мамы, — объяснил Цай Янь.

— О...

У Цай Вэня были грубые черты лица с большими густыми бровями, но Цай Янь выглядел довольно хрупким, с возвышенным видом ученого. Для большинства людей он был довольно замкнутым, но за Дуань Лином он присматривал, хотя бы потому, что Дуань Лин был не очень агрессивен и совсем не соперничал, поэтому Цай Янь, как само собой разумеющееся, испытывал чувство защиты по отношению к младшему и слабому.

Снаружи доносился прерывистый звук, который то начинается, то прекращался.

— Кто-то играет на флейте?

В недоумении Дуань Лин поднялся с кровати и открыл заднее окно. В воздухе витал аромат летних цветов.

Цай Янь сел и уставился вдаль. Ноты на флейте не лились, как будто кто-то, только начавший осваивать технику игры, пытался вспомнить, куда девать пальцы при исполнении. Играли так плохо, что едва можно было терпеть, а иногда ноты даже сопровождались звуком слюны, забивающей отверстие амбушюра.

И у Цай Яня, и у Дуань Лина не было слов.

— Радость встречи? — Дуань Лин наконец-то смог разобрать мелодию. — Это «Радость встречи»!

Цай Янь опустил лоб на руку, ошеломленный.

— Это самая ужасная песня, которую я когда-либо слышал.

Пока человек на улице играл, Дуань Лин вслушивался в каждую ноту, и ему было так плохо, что хотелось просто сыграть остальное за него. Однако флейтист, похоже, совсем не понимал его чувств: он все больше и больше воодушевлялся, как будто сам был рад развлечься.

— Кто это?

Цай Янь к этому моменту покрылся мурашками.

Дуань Лин ничего не говорил. Он догадался, кто это, но не мог сдержать своего веселья — он действительно не осмеливался сказать.

— Хватит играть!

В соседней комнате Хэлянь Бо наконец не выдержал и с рычанием выглянул в окно, а сразу после этого швырнул цветочный горшок.

— Ты дашь нам поспать или как?! — крикнул Цай Янь.

Флейта наконец перестала играть, но Дуань Лин не закрыл окно.

Цай Янь сказал:

— Ну же, давай спать. Завтра нам рано вставать.

И вот Дуань Лин лег спать, тихонько укутался в одеяло и закрыл глаза, думая о Ли Цзяньхуне. Во сне он видел опавший цветок, который, кружась, падал в окно и мягко приземлялся на подушку. Маленький камешек ударился об оконную раму, издавая тихий звук, и окно закрылось само по себе.

— Цель высшего образования — развитие благородной стороны личности...

— Знание своей конечной цели дает человеку твердые убеждения, а твердые убеждения делают его стойким и терпеливым...

— У всего есть корень и ветви, у каждого события есть начало и конец; когда человек знает, что идет сначала, а что потом, он становится ближе к Пути...*

* Все это относится к □□, или Великому учению.

Академией Биюн управляли четыре чиновника. Деканом был добродушный, пухлый мужчина средних лет, который принимал окончательные решения по всем вопросам, происходящим в академии; два директора по академическим вопросам контролировали учебный процесс; один директор по связям со студентами решал любые просьбы учащихся. Эти чиновники подчинялись непосредственно Южной администрации, и это было высшее учебное заведение в Шанцзине, где готовили ученых.

Здесь также работали несколько профессоров Пяти канонов, которые читали лекции, и несколько ассистентов преподавателей; все должности от декана до ассистента преподавателя занимали чиновники Ляо, но все они были ханьцами. Когда студенты сталкивались с ними в галереях, они обязательно останавливались и почтительно отдавали честь.

— Угу.

Когда это происходило, декан или профессор кивали студенту, но носовой тон этого звука немного отличался. Если студент, с которым они столкнулись, был ханьцем, то можно сказать, что он звучал как «уххх», но при встрече с киданем он походил на «ммм»*.

* Оригинальные звуки, записанные на пиньинь, — en для первого и wu для последнего, но на самом деле wu звучит как более глубокое, более горловое en.

Началась новая жизнь; они прошли путь от «темного неба, желтой земли, огромной хаотичной вселенной» до цели высшего образования — повышения благородства личности, от «трое идут плечом к плечу, один должен уметь быть моим учителем», до того, «есть ли на кухне мраморное мясо и откормленные лошади в конюшне, но люди выглядят голодными, а на улицах лежат трупы от голода»...* Летнее солнце не поменялось, люди, с которыми он ходил в школу, остались прежними, но Дуань Лину казалось, что все вокруг него перевернулось с ног на голову.

* Это из Мэн-цзы. Последняя строка звучит так: если люди выглядят голодными, а на улицах лежат мертвые от голода, то (власть имущие) делают не что иное, как приказывают зверям съесть их.

Помимо изучения книг и написания сочинений, ученики Академии Биюн должны были заниматься шестью конфуцианскими искусствами: обрядами, музыкой, стрельбой из лука, управлением колесницей, каллиграфией и математикой. Управление колесницей давно было упразднено, поэтому его заменили верховой ездой. Каждый день Дуань Лину приходилось вставать очень рано и собираться вместе с другими учениками за пределами тренировочной площадки, чтобы первым делом потренироваться в стрельбе из лука. В Чэнь больше не учили верховой езде и стрельбе из лука, в отличие от Ляо, где больше внимания уделялось боевым навыкам.

Это был первый день верховой езды, а один из учеников уже сломал руку и вернулся с плачем. Дуань Лин с трепетом наблюдал за происходящим, опасаясь, что лошадь растопчет его в мясной пирог. К счастью, Ли Цзяньхун научил его садиться на лошадь, и простым движением ноги он поднялся и надежно сел.

— Неплохо! — сказал тренер. — Ты уже ездил на лошади. Спускайся! Твоя очередь!

Цай Янь сел на лошадь, а она билась и сбрасывала его с себя, оставляя в тяжелом состоянии. Дуань Лин бросился вперед и поддерживал его, пока он шел обратно. В этот момент кто-то снаружи зашел и что-то прошептал тренеру. Тот на мгновение замешкался, а затем отправился на поиски декана, оставив после себя толпу болтающих молодых людей перед галереей и одну озадаченную лошадь.

— Мы закончили?

Молодые люди не переставали ворчать, их мышцы болели от упражнений. Все разминали руки и ждали, когда можно будет поскорее вернуться и прилечь.

Издали доносился приглушенный звук, и казалось, что по улице галопом несутся лошади.

— Что случилось? — спросил Дуань Лин.

Цай Янь тоже не знал. Вскоре вошел декан, выглядящий довольно бледным.

— Сегодня все занятия временно отменены. Все идите в свои комнаты и не выходите, пока мы вас не позовем.

Молодые люди зашумели, но директор по учебным вопросам сказал им прямо:

— Что вы себе позволяете?

Они тут же снова затихли. Декан поклонился первым, все молодые люди одновременно ответили ему поклоном и выстроились в шеренгу, чтобы покинуть помещение. На этом сегодняшние занятия закончились. Сразу после возвращения в свои комнаты одни студенты заходили в чужие комнаты, другие обсуждали что-то между собой, а Хэлянь Бо подошел к Дуань Лину и окликнул его.

— Что... что такое?

Хэлянь Бо посмотрел на Дуань Лина, подразумевая, ты знаешь?

Цай Янь стоял во дворе и прикладывал к лицу мокрое холодное полотенце.

— Наверное, сейчас начнется бой.

Не успел он договорить, как издали донесся еще один приглушенный гул. Дуань Лин был удивлен, а все ученики вскрикнули. Он взял Хэлянь Бо за рукав.

— Сюда!

Хэлянь Бо понял, что он хотел пойти в угол двора. Он нагнулся, уперся руками в колени, а Дуань Лин наступил ему на спину, чтобы забраться на стену. Следом за ним забрался Цай Янь, и они вдвоем затащили Хэлянь Бо на вершину стены. Трое молодых людей поднялись еще на один этаж по крыше общежития и с нижнего карниза перепрыгнули на крышу главного зала. Там, на высоте, им открывался панорамный вид на город.

Вдалеке были видны валуны, летящие из-за городских стен, и именно оттуда доносились повторяющиеся взрывы.

— Бой начался! — произнес Хэлянь Бо, звуча воодушевленно.

— Бой начался.

Между бровями Цай Яня пролегла глубокая складка.

— Монголы? Они уже пробились к стенам?

Дуань Лин спокойно наблюдал за происходящим, вспоминая переговоры между его отцом и Елюй Даши. Похоже, все было в руках Ли Цзяньхуна, но он задавался вопросом: где он сейчас?

— Бои начались, — пробормотал Дуань Лин, чувствуя себя не в своей тарелке.

В город полетело еще больше валунов. Патрули городской стражи разбежались по главным улицам и переулкам Шанцзина, как вода в разветвленных реках, и потекли во всех направлениях, выдвигаясь на защиту каждого городского ворот. Дуань Лин вспомнил, что старший брат Цай Янь был капитаном стражи, и попытался его утешить.

— Твой брат хорошо владеет боевыми искусствами, с ним все будет в порядке.

Цай Янь хмыкнул в ответ и кивнул. Хэлянь Бо тоже понял, что слишком разволновался, и похлопал Цай Яня по плечу, чтобы успокоить его.

— Давайте поднимемся чуть выше и посмотрим, — сказал Дуань Лин, — интересно, как обстоят дела у северных ворот.

Они втроем побежали по крыше и забрались в литературный павильон. В нем было три этажа, и они, облокотившись на перила, смотрели вдаль. Теперь они видели все четче: по всему городу были видны следы боев, у городских ворот формировались войска, и собралось довольно много монгольских солдат.

— Как ты думаешь, они смогут удержать город? — спросил Цай Янь у Хэлянь Бо.

Хэлянь Бо покачал головой, и Цай Янь снова спросил:

— Ваши люди уже сражались с монголами. Насколько они хороши?

Хэлянь Бо промолчал и в конце концов снова покачал головой.

— Они точно смогут удержать город, — сказал Дуань Лин. — Не волнуйся.

Цай Янь ответил:

— Хорошо, что Бату уже ушел. Иначе он бы точно умер прямо сейчас.

Все трое вздохнули, вспоминая прошлое. Убежал бы Бату или нет, не имело прямого отношения к тому, напал ли бы Угэдэй на Шанцзин. Если бы они не покинули Шанцзин той

ночью, то, скорее всего, и Джучи, и Бату погибли бы под клинком Елюй Даши. Дуань Лин не мог не размышлять: если он сам станет политическим заложником, остановит ли отец поход своей армии за город?

— Кто там? — под ними громко огрызнулся директор по учебным делам.

Они тихо охнули в сердцах — их обнаружили, и в панике попытались спрятаться, но декан дружелюбно сказал им со двора:

— Не торопитесь, я не буду вас наказывать. Только постарайтесь не упасть.

Они медленно спустились вниз, а затем декан любезно сказал им:

— Встаньте на колени прямо здесь, и без дальнейших указаний не вставайте.

Дуань Лин потерял дар речи.

Четверть часа спустя Дуань Лин, Цай Янь и Хэлянь Бо стояли на коленях во внутреннем дворе, а декан, сцепив руки за спиной, расхаживал взад-вперед рядом с ними.

— Даже простые люди несут ответственность за процветание государства.

Декан серьезно спросил их:

— Знаете ли вы, что вы можете сделать для государства?

Никто из них не решался ответить, опасаясь получить разнос, но Академия Биюн была совсем не похожа на Прославленный зал, и здесь редко кого били. А вот Дуань Лин предпочел бы получить взбучку, потому что беспрестанные придирки декана действительно казались ему невыносимыми.

— Господин Тан.

Сюда шел городской стражник.

— Оставайтесь здесь и серьезно обдумайте свои действия.

Декан Тан развернулся и ушел.

Как только он ушел, все трое синхронно повернулись и посмотрели в его сторону, пока его

фигура не исчезла за поворотом у стены. Хэлянь Бо поспешно встал с пола.

— Идем.

Дуань Лин сказал:

— Давайте еще немного постоим на коленях.

— Идет война, какой смысл стоять на коленях?

Цай Янь поднял Дуань Лина.

— Пойдем.

Втроем они прошли по заднему коридору и некоторое время прислушивались под окнами. Несмотря на то, что монгольские солдаты собрались у восточных ворот Шанцзина, было неизвестно, не сменят ли они курс и не нападут ли на северные ворота. Поскольку Академия Биюн находилась слишком близко к северным воротам, городская стража рекомендовала декану Тану либо перевести студентов, либо приостановить занятия на несколько дней.

— А разве дворец не в северной части? — спросил Дуань Лин.

— Императора нет в городе.

Только после объяснений Цай Яня Дуань Лин узнал, что клан Елюй проводит в Шанцзине очень мало времени. Это не императорский дворец, а скорее дворец для отдыха. После битвы на реке Хуай Ляо создала пять столиц, и Елюй Хунци в основном проживал в Чжунцзине, расположенном в провинции Хэнань, и ведомство служащих Южной администрации также находилось в Чжунцзине.

— Мы не можем приостановить занятия, — уверенно произнес декан Тан. — Молодые люди полны сил и бодрости. Их отцы либо воюют, либо участвуют в собраниях, и дома за ними некому присмотреть. Если мы сейчас отпустим их домой, они могут решиться на опасный поступок.

Гонец городской стражи сказал:

— Тогда последнее слово за вами, господин Тан. Перед моим отъездом капитан Цай сказал мне, что если Академия Биюн не захочет временно переехать в безопасное место, то моя обязанность — привести войска для ее охраны.

— В какой дом мы сможем вернуться, если наша родина будет повержена? Если разрушение придет ко всем, как мы можем рассчитывать на то, что нас не тронут? — добавил Декан Тан. — Пожалуйста, вернитесь и скажите капитану Цаю, чтобы он сосредоточился на боевых действиях и не беспокоился о таких вещах. Хотя мы в Академии Биюн всего лишь ученые, по крайней мере, мы об этом осведомлены.

Посланнику осталось только откланяться. Когда декан Тан вернулся на задний двор, он увидел, что трое студентов уже ускользнули; он покачал головой, но ничего не мог поделать, кроме как оставить все как есть.

В сумерках большая часть юго-восточного неба окрасилась в алый от пламени цвет; очевидно, бои за пределами города уже начались. Дуань Лин не решался снова лезть на стену, а просто стоял во дворе и смотрел на улицу с обеспокоенным видом. Во время ужина все шептались друг с другом, обменивались информацией, полученной неизвестно откуда, пускали слухи, пересказывали их, и их лица были наполнены волнением. После ужина декан Тан лично пересчитал всех и строго напомнил, что они не должны тайком уходить по ночам, иначе их право оставаться в академии будет аннулировано.

После возвращения учеников в свои комнаты на улице раздался шум — оказалось, за ними пришли их семьи. Бои за город становились все более ожесточенными, и Елюй Даши уже сам вышел на поле боя, провел три сражения с монголами и вернулся раненым. Внезапно по городу поползли слухи, и семьи захотели забрать своих юношей домой.

— Все! — Декан Тан выглядел как всегда приветливо, обращаясь к слугам, собравшимся на улице. — Пожалуйста, вернитесь и сообщите своей госпоже, что Академия Биюн принимает приказы только от Южной и Северной администраций, и слово вашей госпожи здесь не поможет. Хозяева ваших домов наверняка когда-то учились здесь, и, если у них возникнут вопросы, попросите их зайти.

Вот так декану Тану удалось удержать всех слуг, которые приходили, чтобы вывести своих молодых господ за ворота. С одной стороны находились слуги, которые не могли больше ни минуты прожить, не забрав детей домой, с другой — дети, которые с нетерпением смотрели в ответ, не желая ничего больше, чем уйти домой. Эти несколько шагов, отделяющие Академию Биюн от дороги за ее пределами, действительно стали такими же труднопроходимыми, как Серебряная река* в небе, и это расстояние навевало тоску.

* Серебряная река — китайское название Млечного пути. История, о которой здесь идет речь, — «Пастух и ткачиха».

Когда все слуги ушли, не прошло и часа, как на улице снова поднялся шум. На этот раз женщины из домов чиновников сменили тактику и приехали лично в своих каретах, но вместо того, чтобы попытаться войти в парадную дверь, они обошли ее с внешней стороны дворовой стены, показывая свои встревоженные, а некоторые несчастные лица за решеткой, и все, что можно было услышать, это «о, сын» и «мой дорогой» — кто-то стоял в слезах, а кто-то был в ярости от обиды.

Перед каждым окном стоял молодой человек, как будто их навещали в тюрьме. Дуань Лин понимал, что Ли Цзяньхуна среди посетителей точно не будет, и с досадой покинул это место. Вспомнив, как накануне вечером играла флейта, он направился к заднему двору, но флейта так и не зазвучала.

При яркой луне над головой шум за городом постепенно стих, словно даже осаждающая монгольская армия легла спать. Дуань Лин сел и прислонился спиной к дереву, позволяя своим мыслям блуждать.

— Луна сегодня прекрасна. Почему же вы вздыхаете при ее виде, Ваше Величество? — произнес голос Ли Цзяньхуна.

Лицо Дуань Лина озарилось улыбкой от удивления, но когда он поспешил встать, Ли Цзяньхун спрыгнул с зонтичного дерева, одетый с ног до головы в военный костюм. Дуань Лин бросился бы к нему обниматься, но теперь, когда он учился в академии, все воспринималось иначе; многое из того, что он делал раньше, заставляло его чувствовать себя неловко, поэтому он просто стоял и улыбался.

Ли Цзяньхун тоже с удовольствием стоял и наблюдал за ним. Черная одежда, в которую он переоделся, придавала ему еще больше привлекательности и элегантности.

— Что ты здесь делаешь? — Дуань Лин был ужасно счастлив, но не знал, что сказать.

— Ты прекрасно знаешь, зачем я здесь, — ответил Ли Цзяньхун.

Дуань Лин шагнул вперед и обхватил его руками, не желая отпускать.

— Хорошо, хорошо. Смотри, чтобы тебя не застукали твои одноклассники.

Дуань Лин немного застеснялся, но Ли Цзяньхун уже отвязал меч от его пояса.

— Это тебе.

Дуань Лин достал клинок из ножен.

— Откуда он у тебя?

— «Одолжил» у старого друга. Вот, папа научит тебя нескольким приемам.

Дуань Лин изо дня в день приставал к нему с просьбой научить его владеть мечом. Однако уговорить его было невозможно, и он обучил Дуань Лина лишь простым приемам — уклону,

удару и блоку. Теперь же Ли Цзяньхун пришел обучать его владению мечом — это было выше всех его ожиданий.

— Ты умеешь доставать меч, бить и блокировать, — тихо сказал Ли Цзяньхун.

— Ага.

— Теперь я научу тебя «взмаху», «удару», «вращению» и «повороту».

И Ли Цзяньхун обучил его нескольким из этих приемов.

— Запомнил?

Он кивнул, и Ли Цзяньхун добавил:

— Теперь опусти меч. Мы перейдем в рукопашную.

Он превратил движения мечом в движения ладонями, и Дуань Лин вдруг понял, что, если разложить их на составляющие, это тот же самый набор движений ладонями, которому Ли Цзяньхун научил его в тот день. Он подходил к обучению очень серьезно, терпеливо заставляя Дуань Лина повторять все снова и снова, вскоре переходя к мечу, затем снова к ладоням, чтобы убедиться, что Дуань Лин досконально освоил каждое движение.

Дуань Лин делал это неуклюже, часто забывая о втором движении, как только осваивал первое, и Ли Цзяньхун согнул палец, приглашая его следовать за ним. Они повернулись, выставили вперед ладони и отвели мечи. Меч Ли Цзяньхуна пронесся по воздуху далеко от его тела, и свет, отраженный от его лезвия, струился, как вода.

Его позы и движения выглядели чрезвычайно грациозно, а выражение лица Ли Цзяньхуна выражало полную сосредоточенность. Он сделал оборот назад, выхватил меч и выставил вперед ладонь, а Дуань Лин завороженно наблюдал за ним.

Ли Цзяньхун засмеялся и погладил Дуань Лина по голове.

— Еще раз.

Дуань Лин подражал Ли Цзяньхуну, повторяя цепочку движений: меч — ладонь — меч — шаг.

— Очень хорошо. Ты очень проницателен и уловил ключевые элементы.

Бой на мечах — это бесконечная комбинация нескольких составляющих движений. Раньше

Дуань Лин не обращал на это особого внимания, но теперь, когда Ли Цзяньхун обучал его с самых азов, он почувствовал, что в боевых искусствах был скрыт целый мир, и он был не менее безграничен, чем наука и стремление к знаниям.

Прошло целых четыре часа, прежде чем Ли Цзяньхун закончил занятия. Дуань Лин тоже был весь в поту.

Кроме обучения фехтованию, Ли Цзяньхун почему-то больше ни о чем не говорил. Лишь в самом конце, собираясь уходить, он бросил:

— Уже поздно, ложись спать. Папа уходит.

— Не надо, — разочарованно произнес Дуань Лин, но тот уже запрыгнул на стену и исчез за зонтичным деревом.

Дуань Лин молча смотрел в ночь.

В Академии Биюн внезапно начались каникулы. Чтобы обезопасить себя от войны и в случае необходимости оперативно собраться, никто из студентов не должен был проводить занятия вместе. Таким образом, если вдруг сюда прилетит камень, все они не погибнут одновременно. Но декан настоял, чтобы все они оставались в школе — в конце концов, возвращаться домой было не безопаснее, чем оставаться в академии.

Ученики наполовину были охвачены тревогой из-за того, что их нация находилась в опасности, но эта тревога наполовину компенсировалась радостью от того, что им не нужно было ходить на занятия, и только Цай Янь изо дня в день упорно хмурил брови, заставляя Дуань Лина вздыхать вместе с ним.

— Я беспокоюсь об этом идиоте, — Цай Янь наконец не выдержал и спросил его. — А о чем ты печешься?

Дуань Лин не решался сказать, что беспокоится о своем отце, да и, по правде говоря, со способностями Ли Цзяньхуна волноваться было особо не о чем. Он спросил Цай Яня:

— Кто этот идиот?

— Мой старший брат. Он сын наложницы и всегда был таким доверчивым.

Дуань Лин попытался его утешить.

— Не думай об этом больше.

Цай Янь расхаживал взад-вперед по комнате.

— Я хочу выйти и осмотреться.

Дуань Лин отложил книгу.

— Не надо. Это слишком опасно.

Внезапно снаружи раздался громкий треск — монгольская армия начала атаку на северные ворота, и гигантские валуны бросали в сторону городской стены, но башни северных ворот были очень высокими, поэтому они не попадали внутрь. Все торопливо выбежали из своих комнат, с ужасом наблюдая за громкими звуками, доносящимися со стороны далеких северных ворот.

— Не бойтесь. Камни сюда не долетят.

Вскоре последовала еще одна порция шальных снарядов, но на этот раз в северные ворота полетело не что-то тяжелое, а какой-то сверток, завернутый в ткань. Десять с лишним свертков упали в Академию Биюн, и, когда они приземлились, кровь разлилась повсюду, а их падение сопровождалось звоном шлемов.

Панические крики мгновенно заполнили Академию Биюн. Это были головы, с которых капала кровь! На них все еще были надеты шлемы патрульной городской стражи, а ниже шеи было месиво из крови и плоти. Молодые люди не переставали кричать, а Цай Янь уже был готов завывать.

— Чего вы все вопите? — сердито прорычал декан, и все молодые люди затихли. — Поднимите все головы.

Декан взял себя в руки и спокойно приказал:

— Принесите их в главный зал.

Дрожа от страха, юноши подхватывали головы мертвецов за волосы и несли их в главный зал, бросая в корзину. Дуань Лин оказался мужественнее многих — он нес их в обеих руках.

Декан собрал всех студентов и заставил их выстроиться вдоль всего главного зала, трижды поклониться головам в корзине, а затем приказал директору по учебным делам отнести их в штаб городской стражи. Обернувшись, Дуань Лин увидел взгляд декана: ему казалось, что многие вещи не нужно было озвучивать, они уже были вырезаны в его сердце.

За ужином все молодые люди были озабочены, словно опасались, что из-за города может

прилететь нечто, что разобьет их насмерть. Декан же вел себя как обычно, говоря всем:

— Возвращайтесь в свои комнаты и ложитесь спать пораньше. Все будет хорошо.

После наступления ночи в Академии Биюн воцарилась смертельная тишина, никто не разговаривал, и почти все лампы были потушены. Темные тучи закрывали луну, и Дуань Лин встал в кромешной тьме, нащупал под кроватью меч и пробрался наружу.

— Куда это ты собрался? — спросил в темноте Цай Янь.

— Не могу уснуть. Встану и пойду прогуляюсь.

— Я составлю тебе компанию.

Цай Янь встал, но Дуань Лин сразу же сказал ему, что в этом нет необходимости, поэтому он не стал настаивать и лег обратно.

Цай Янь ворочался и ерзал, а через некоторое время, обнаружив, что все еще не может заснуть, поднялся и тоже вышел на улицу.

— Дуань Лин?

Не увидев Дуань Лина, Цай Янь забеспокоился и босиком отправился на его поиски.

Свернув в извилистую галерею, он вдруг услышал его голос. На заднем дворе на стене горела одинокая лампа, освещающая крупного мужчину ростом около девяти чи*. Его руки упирались в колени, он присел на стену и разговаривал с Дуань Лином, а их лица были расположены так близко друг к другу, что они находились почти щека к щеке.

* Древнее измерение ступней в среднем составляет 23,5 см на ступню. Таким образом, 9 чи — это 211,5 см или 6 чи 11 цуней.

— Когда вы собираетесь их прогнать? — спросил Дуань Лин.

— Я жду начала осени, — ответил мужской голос.

— Почему?

— Стихия осени — металл, в котором заключена жизненная энергия армии. Это хорошее время для убийства.

Дуань Лин замолчал.

— Осталось еще полтора месяца. Вставай и повтори то, чему я тебя вчера учил.

Дуань Лину ничего не оставалось, как взять в руки меч: он очень скучал по Ли Цзяньхуну, но, когда отец приезжал, он не тратил много времени на разговоры с ним, а только заставлял его тренироваться в бою на мечах.

— Ничего, если я не буду учиться?

Сейчас все, чего хотел Дуань Лин, — это сесть рядом с Ли Цзяньхуну, прислониться к его коленям и поговорить с ним. Даже если они ничего не скажут друг другу, пока Ли Цзяньхун был с ним, он ничего не боялся.

— Нет, — беззлобно сказал ему Ли Цзяньхун. — Ты не хочешь учиться, но есть много тех, кто хотел бы. Это не плохо, но даже если все люди на земле будут умолять меня обучить их, ты будешь единственным, кого я захочу научить. Других я учить не буду.

Дуань Лин засмеялся, и Ли Цзяньхун добавил:

— Я должен убедиться, что ты все выучил, прежде чем успокоюсь и отправлюсь сражаться на войну.

— Тогда, когда мы сегодня закончим, ты можешь остаться здесь еще ненадолго?

Ли Цзяньхун покачал головой и тихо произнес:

— Папа очень занят. О чем ты хотел поговорить?

— Я боюсь.

— Чего ты боишься? У тебя в руке меч, а рядом отец. Даже если папа не всегда может защитить тебя, в Академии Биюн ты не встретишь опасности. Не бойся.

Дуань Лин положил меч. Хотя Ли Цзяньхун выглядел так, будто был еще немного озадачен, он все равно серьезно сел, похлопал по колену, чтобы Дуань Лин сел на его бедро, и обхватил его рукой. Дуань Лин оперся на его плечо и рассказал все, что произошло за день, и Ли Цзяньхун улыбнулся.

— Подле них лежат мечи, а в руках черные луки.

— Да, их руки и ноги растерзаны, но не сердца.

— Их тела загубили, но души обрели бессмертие — капитаны среди призраков, герои среди мертвых.

Ли Цзяньхун, слушая Дуань Лина, напевал в слегка пониженном тоне. У него был очень приятный голос, звонкий и протяжный. Дуань Лин уже читал этот «Гимн павшим», и вдруг ему стало не так уж плохо.

Ли Цзяньхун повернулся к нему, слегка приподнимая одну бровь, как бы спрашивая: теперь ты понимаешь?

Из сердца Дуань Лина вырывались бесчисленные противоречивые эмоции; в эту тихую ночь Ли Цзяньхун простым и понятным способом, который вовсе не предполагал поучений, наглядно показал ему связь его души с жизнью и смертью, с непреодолимым горем, с подъемом и падением всего сущего, с рождением и отличием всех живых существ и с бесконечным циклом обновления природы.

— Вставай и учись фехтованию, — сказал Ли Цзяньхун, поднимаясь.

Дуань Лин взял в руки меч и повторил все, чему научился накануне вечером. Ли Цзяньхун поправлял его ошибки, заставил повторить все несколько раз, а потом беззаботно бросил:

— Воришка, ты не сможешь ничему научиться, подглядывая вот так. Можешь просто ложиться спать.

Дуань Лин как раз задался вопросом, что происходит, когда Цай Янь резко вышел из-за колонны и посмотрел на Ли Цзяньхуна. Дуань Лин очень удивился.

— Дядя, — сказал Цай Янь, — пожалуйста, научите меня!

Он поспешил вперед и упал на колени перед Ли Цзяньхуном. Пораженный Дуань Лин собирался броситься к нему, чтобы помочь подняться, но Ли Цзяньхун выставил перед ним руку, приказывая не двигаться.

— Для чего ты учишься владеть мечом?

— Я из семьи Цай, меня зовут Цай Янь...

Ли Цзяньхун нахмурил брови.

— Меня не интересует, как тебя зовут. Я лишь спрашиваю, для чего ты учишься владению мечом.

— Мой старший брат — офицер в армии. Я беспокоюсь, что он может быть в опасности, и хочу научиться чему-нибудь.

Ли Цзяньхун, казалось, что-то вспомнил и повернулся к Дуань Лину:

— Его старший брат — тот самый Цай Вэнь, который постучался к нам в дверь в тот снежный день?

Дуань Лин кивнул, и тогда Ли Цзяньхун сказал Цай Яню:

— Мы обязаны твоему старшему брату за услугу, считай, что она отплачена. Но ты должен помнить, что, сколько бы тебе ни удалось узнать, ты никогда не должен использовать это против моего сына.

— Мы хорошие друзья, — ответил Дуань Лин.

— Встань позади и повторяй за ним, — произнес Ли Цзяньхун. — Возьми палку и используй ее пока как меч.

Цай Янь кивнул и встал позади Дуань Лина. После этого Ли Цзяньхун сделал вид, что Цай Янь рядом нет, и обучал Дуань Лина на практике, как и раньше. На этот раз Дуань Лин понимал немного больше. Прошло два часа, и Ли Цзяньхун снова исчез, как и прошлой ночью.

Цай Янь кивнул Дуань Лину в знак благодарности, а тот улыбнулся в ответ, немного смущаясь: все-таки его отец был слишком груб с Цай Янем. Однако тот, похоже, не возражал, а спросил его:

— Как называется стиль меча твоего отца?

Дуань Лин ответил:

— Понятия не имею.

Цай Янь выглядел так, будто нашел для себя светлую сторону.

— Завтра же пойду и найду себе меч. Покажи мне свой.

Дуань Лин протянул ему его, и Цай Янь рассмотрел его. Рукоять была инкрустирована

множеством драгоценных камней, она явно была очень ценной, но никто из молодых людей не мог сказать, что в ней было особенного. В конце концов Цай Янь произнес:

— Хороший меч.

Война продолжалась день за днем. Дуань Лин впервые в жизни столкнулся с войной воочию, и это было непередаваемым ощущением. Поначалу все выглядели очень встревоженными, но как только монгольская армия начала осаждать город, вместо того чтобы впасть в панику, все понемногу привыкли к этому, а Академия Биюн стала все менее строгой к ним. На второй день Цай Янь выкрал из литературного павильона церемониальный меч, планируя пока обойтись им, и ждал Ли Цзяньхуна ночью вместе с Дуань Лином.

— Этот стиль владения мечом я придумал сам, — когда его спросили, как он называется, Ли Цзяньхун просто ответил, а затем заставил Дуань Лина тренироваться дальше.

Первые несколько дней Дуань Лин часто был так измучен, что не мог даже поднять руку, а плечи то и дело болели. Ли Цзяньхун полностью прогонял его собственную ци, а затем немного делал ему массаж. Как ни странно, на следующий день, проснувшись, Дуань Лин обнаруживал, что боль прошла.

Ли Цзяньхун всегда торопливо приезжал и так же быстро уезжал, и, когда рядом с ними был Цай Янь, Дуань Лин не мог сразу подойти и спросить, чем был занят его отец. Но он уже привык к этому: его стандарты были настолько занижены, что он был вполне доволен тем, что мог видеть Ли Цзяньхуна каждый день. И вот так прошел целый месяц. Город Шанцзин пережил ряд перемен, и, хотя юноши, проводящие дни в учебе, не знали, что именно произошло, эти перемены можно было заметить по многим деталям их жизни.

Например, во время трапезы они больше не ели досыта. Каждый человек мог взять только одну миску еды.

Обед был заменен на негустую похлебку.

На ужин больше не было мяса, только зеленые овощи.

Спустя месяц осады монгольской армией городу грозила опасность остаться без еды.

Когда Ли Цзяньхун возвращался, он приносил с собой сверток с жареным мясом, бросал его Дуань Лину и говорил:

— Ешь.

Тот садился за стол и ел первым, иногда делясь небольшим количеством еды с Цай Янем. Ли Цзяньхун ждал, расспрашивая его о том, что он узнал в школе за день и какие книги изучал, а

когда Дуань Лин заканчивал есть, Ли Цзяньхун учил его сражаться на мече.

Военные действия становились все более напряженными с каждым днем, и жители Шанцзина снова начали волноваться. Сегодня был день, когда студенты должны были разъехаться по домам, но из-за продолжающейся войны декан принял решение никого не отпускать. Все должны были оставаться в Академии Биюн.

Ведь восточный, южный и западный районы города были изрешечены шальными стрелами, и только северные ворота оставались самыми безопасными. Даже если опекуны студентов будут уговаривать до посинения, декан в своей приветливой манере будет повторять одно и то же — я не отпущу их домой, что бы вы мне ни говорили.

С наступлением сумерек на Шанцзин обрушился первый осенний ливень, и даже на ужин теперь была только жидкая похлебка. За решеткой окна было море людей, передающих еду тем, кто находился внутри. В основном это были лепешки с начинкой из вяленой пашины, так как даже у чиновников и богатых купеческих домов закончилось мясо. Мясо — это то, что они не могли купить за свои деньги; все, что у них осталось, — это рис и мука, которыми они регулярно запасались, и вяленая свиная грудинка.

Цай Янь и Дуань Лин съели немного каши и закусили солеными овощами. С урчанием в животах они стояли в коридоре и выглядывали на улицу, но Цай Вэнь не приходил.

Каждый раз, услышав стук копыт, Цай Янь быстро выходил под дождь и смотрел сквозь оконную решетку, а когда понимал, что это не Цай Вэнь, отходил в сторону, чтобы его место занял другой студент. Несколько таких попыток, и Цай Янь перешел от надежды к разочарованию, а затем начал злиться.

— Я иду спать. Разбуди меня позже, когда придет твой отец.

Дуань Лин хотел сказать ему что-нибудь в утешение, но он был угрюм и бледен и лег, как только вернулся в их комнату. Дуань Лин сделал еще несколько шагов по коридору, и вот уже кто-то подошел к стене с фонарем и прокричал:

— Цай Янь! Цай Янь!

Прошел час, и на улице уже совсем стемнело.

Дуань Лин сразу же подбежал.

— Подождите! Я пойду скажу ему, чтобы он встал прямо сейчас.

Однако снаружи оказался не Цай Вэнь, а солдат из патруля городской стражи.

— Командующий Цай просил меня принести его младшему брату что-нибудь поесть. Пожалуйста, передайте ему. Он не сможет прийти сегодня вечером.

Дуань Лин взял у него сверток. Внутри было копченое мясо, а на бумаге стояла печать городской стражи — очевидно, Цай Вэнь приберег для него паек. Ему осталось только вернуться и растолкать Цай Яня.

— Цай Янь, твой брат приходил.

У Цай Яня был жар, и, когда его позвали, он простонал. Дуань Лин сразу же проверил его лоб.

— Где он? — слабо спросил Цай Янь. — Он ведь еще жив?

— Он в порядке. Он хочет, чтобы ты больше ел. Сказал, что зайдет к тебе как-нибудь в другой раз.

Цай Янь едва успел кивнуть. Похоже, ему достаточно было знать, что Цай Вэнь жив, а все остальное не имело значения. Прошло мгновение, и он снова повернулся к Дуань Лину.

— Ему нужно покинуть город, чтобы сражаться?

Дуань Лин провел пальцем по пульсу Цай Яня, пытаясь диагностировать его болезнь, и покачал головой.

— Не знаю. Я сейчас принесу тебе лекарство. Оставайся пока в постели.

Дуань Лин вышел с заднего двора. Дождь лил без остановки, и в Шанцзине сегодня было смертельно тихо.

Снаружи кто-то мелодично и красиво свистел подобно птичьему зову, тянущемуся за хвостом ноты и поднимающемуся к ее резкому концу.

Дуань Лин засмеялся и поспешил на улицу. На заднем дворе резко возник солдат, с улыбкой подхватил Дуань Лина за талию и вынес в коридор.

Ли Цзяньхун сегодня был в полном вооружении, в боевом облачении, расшитом блестящими пластинами, каждая из которых сверкала, как чешуя дракона, а на голове был шлем цилиня*, подвязанный под подбородком красной кисточкой. Он небрежно положил на землю тяжелый меч из метеоритного железа, затем развернулся и сел рядом с Дуань Лином, вытянув перед собой ноги.

* Цилинъ — мифологический зверь, черный, с рогами на голове. У шлема, вероятно, два рога.

— Ва!

— Ш-ш-ш...

— Что это?

Дуань Лин сначала протянул руку, чтобы потрогать отцовские доспехи, а затем с любопытством взял их в руки.

— Это перчатки, — объяснил Ли Цзяньхун, снимая одну из них, чтобы показать ему. Дуань Лин потрогал шлем, и тот сказал:

— Не снимай его, просто смотри на него как есть. Его легко снимать и трудно надевать.

— А это? — с любопытством спросил Дуань Лин.

— Естественно, это сапоги, — засмеялся Ли Цзяньхун.

— А почему на них железные шипы?

Дуань Лин впервые рассматривал доспехи солдата вблизи. Величественный вид Ли Цзяньхуна, облаченного в полный доспех, заставил его едва не упасть от восхищения.

— Это шпоры. Они нужны для того, чтобы колоть лошадей противника во время ближнего боя верхом.

— Ты собираешься на войну? Ты сможешь спокойно передвигаться в таких тяжелых доспехах?

Ли Цзяньхун наступил левой ногой на землю и подпрыгнул в воздух. Продемонстрировав несколько движений с длинной алебардой, он снова сел на пол, скрестив ноги.

Ли Цзяньхун достал завернутый в бумагу пакет и протянул его Дуань Лину.

— Ешь. Сегодня никаких упражнений с мечом.

В свертке оказалось жареное мясо, нарезанное аккуратными ломтиками. Дуань Лин с аппетитом поглотил его и отдал часть Ли Цзяньхуну.

— Вино выпито, и съедены все возможные яства. Мы ждали уже полтора месяца, и сегодня отправимся за город, чтобы разделаться с этими варварами.

Дуань Лин немного волновался. Ли Цзяньхун погладил его по голове и серьезно сказал:

— Отец полтора месяца учил тебя бою на мечах, и все это ради этого момента. Ты помнишь все приемы?

Дуань Лин кивнул.

— Я отправляюсь с тобой на войну? Пойдем!

Ли Цзяньхун уперся лбом в одну руку, не зная, что и сказать.

— Ваше Величество, о чем вы думаете? Мы еще не в том состоянии, чтобы вы лично выходили на поле боя!

— Мы должны участвовать в таких делах вместе! Я получу доспехи?

Ли Цзяньхун ткнул пальцем в Дуань Лина.

— Это я должен покинуть город сегодня ночью, а не ты. В час до полуночи мы с Елюй Даши разделимся на две группы, чтобы совершить набег на лагерь врага и сжечь его провизию. Понятно?

— И что же мне тогда делать? — спросил Дуань Лин, ничего не понимая.

Ли Цзяньхун серьезно сказал ему:

— Как только я уйду из города и совершу набег на лагерь, никто не будет охранять этот участок. Если что-то пойдет не так... даже если вероятность того, что что-то пойдет не так, очень мала, ты не должен ослаблять бдительность. Тебе нужно смотреть в оба глаза и держать ухо востро.

— А потом? — кивнул Дуань Лин.

— А потом ты возьмешь этот меч хана Хубилая...

— Где он?

Ли Цзяньхун с неопишуемым выражением лица уставился на Дуань Лина и указал на меч на его поясе, на его лице было написано: ну, что я должен с тобой сделать?

— Хубилай-хан подарил его Угэдэю, а твой отец выхватил его прямо из его рук в первый же день. Вот так.

— О, — кивнул Дуань Лин.

Ли Цзяньхун добавил, наставляя его:

— Если кто-то доставит тебе неприятности, подумай — если можешь разрубить его, то руби, если не можешь — беги и прячься. Понял?

— А с Академией Биюн что-нибудь случится?

— Скорее всего, нет, но на всякий случай, что бы ни случилось, ты не должен пытаться храбриться. Отец не может взять тебя с собой в поход. Сын мой, ты должен быть уверен, что останешься жив. Если ты умрешь, отец тоже не сможет жить.

— Хорошо... хорошо.

Дуань Лин понял — хотя Ли Цзяньхун был уверен, что сможет отогнать врага, он не мог быть полностью убежден в том, что монголы не контратакуют до того, как проиграют. У него не было возможности постоянно находиться рядом с сыном и обеспечивать его безопасность, поэтому он потратил полтора месяца на его обучение едва пригодным навыкам боя на мечах, которыми можно только покрасоваться. Он не сможет одолеть врага на поле боя, но если нужно будет просто достать меч перед лицом непосредственной опасности и воспользоваться моментом, когда враг недооценит его, чтобы уйти, сохранив жизнь, то это будет вполне в его силах.

Ли Цзяньхун повторил все это бесчисленное количество раз: что делать, если северные ворота будут разрушены и монгольская армия ворвется в город, что делать, если случится пожар, что делать, если появятся шальные стрелы, что делать, если из катапульты полетит камень, что делать, если рухнет городская стена... Он продумал все возможные варианты и повторил каждый из них с Дуань Лином, пока не убедился, что тот все запомнил, а затем нарисовал карту, чтобы наметить для него путь к спасению. К концу урока Дуань Лин услышал так много, что ему казалось, будто монголы уже пробивлись к воротам Академии Биюн, и все, что нужно, чтобы они пришли, — это один-единственный выкрикнутый приказ.

— Каковы шансы, что они пройдут сюда с боем? — нервно спросил Дуань Лин.

— Меньше одного к десяти, — сказал ему Ли Цзяньхун. — Но даже если есть хоть малейшая вероятность, ты не должен беспечно к этому относиться.

Дуань Лин даже не знал, что ему ответить.

— Если с тобой что-нибудь случится... — начал Ли Цзяньхун.

— Ты тоже не будешь жить.

Дуань Лин был очень тронут, когда услышал это в первый раз, но повторное причитание привело его в полное оцепенение.

— Верно. Именно так. Ударь в ладоши в качестве обета, — ты должен остаться в живых.

И Дуань Лин и Ли Цзяньхун ударили ладонями друг о друга.

— Отец уходит на войну. Я вернусь к рассвету и завтра отвезу тебя домой.

Дуань Лин внезапно бросился Ли Цзяньхуну на шею, и он улыбнулся.

— Тебе уже тринадцать. Не тяни время.

Дуань Лин отпустил Ли Цзяньхуна, и он поспешно вышел с заднего двора и сел на лошадь. Забравшись на забор и облокотившись на него, Дуань Лин наблюдал за ним. Он сидел верхом на Вань Ли Бэнь Сяо, а к спинке седла были прикреплены ножны для меча. Положив алебарду за спину, он сказал Дуань Лину:

— Слезай. Смотри не упади.

— Будь осторожен! — крикнул Дуань Лин.

Ли Цзяньхун обхватил ногами бока лошади и наклонился к нему. Подняв одну ногу на седло, чтобы сохранить равновесие, он поцеловал Дуань Лина в лоб. Тот тоже поцеловал Ли Цзяньхуна в щеку, и тут же он встряхнул поводьями и крикнул:

— Пошел!

И они помчались галопом подобно порыву ветра, исчезая в конце улицы.

Дуань Лин заполнил рецепт и вернулся, чтобы приготовить отвар для Цай Яня. Тот лежал и слабо стонал.

— Он пришел? — спросил Цай Янь.

— Кто? А, мой отец? Он уже приходил.

В ответ Цай Янь издал горловой хрип, и Дуань Лин добавил:

— Сегодня не было тренировки с мечом.

Цай Янь медленно выдохнул. Когда Дуань Лин закончил кипятить лекарство, он помог ему сесть и выпить его. Матерчатый мешочек, висящий у него на шее, болтался на красном шнурке, раскачиваясь взад-вперед. Когда он разговаривал с Ли Цзяньхуном, то даже достал его, чтобы рассмотреть.

— Я слышал, что вы поссорились с Бату в первый же день твоего появления в Прославленном зале именно из-за этого мешочка.

Цай Янь потянул за него.

— Это осколок нефрита?

— Да. Вот, прими лекарство.

Цай Янь улыбнулся.

— Бату всегда было любопытно, что в нем, но он не осмеливался связываться с тобой снова.

Пока он говорил, он провел пальцами по внешней стороне мешочка, а затем засунул его обратно под нижнюю рубашку Дуань Лина.

— Это половина нефритового тора, полукольцо в форме дуги. Нефритовая дуга, — ответил Дуань Лин.

Цай Янь допил лекарство и лег, а Дуань Лин сказал ему:

— Я дал тебе довольно большую дозу. Поспи сегодня как следует, и все будет хорошо.

Ночью Дуань Лин положил меч под подушку. Лежа на ней, он с трудом заснул, и в его голове мелькали образы отца на войне: то он отрубал кому-то голову, то стрелы его отца, никогда не промахивающиеся мимо цели, выглядели впечатляюще.

В полночь Цай Янь лежал на кровати, задыхаясь. Темные тучи скрыли луну, и снова начался дождь.

На тихой аллее копыта пробивали поверхность луж, издавая приглушенный грохот, и Дуань Лин сел и выглянул на улицу. Он чувствовал, что недалеко от него проезжало множество солдат, которые спешили к северным воротам, но их стук был не похож на привычное цоканье боевых коней. Топот копыт звучал ниже, глуше.

В отряде, возглавляющем вылазку, было четыре тысячи солдат. Копыта их лошадей были обмотаны тканью, и под командованием Ли Цзяньхуна они выехали из северных ворот, не привлекая ничего внимания, и тихо объехали холм, приближаясь к тылам монгольской армии, разбившей лагерь.

В это же время монгольская армия обошла их с южной стороны, чтобы атаковать западные ворота Шанцзина.

В густом лесу, насквозь промокшем от непрекращающегося дождя, Елюй Даши и Ли Цзяньхун были с ног до головы облачены в доспехи.

— Ты был прав, — сказал Елюй Даши. — Поддельные сведения, которые мы передали, действительно сделали свое дело.

Ли Цзяньхун ответил:

— Больше всего меня беспокоит слабость нашей обороны за северными и западными воротами.

— Я бы чувствовал себя еще менее спокойно, если бы мы разместили наши основные силы на городских стенах. Угэдэй не настолько умен!

— Елюй Даши, не говори, что я пытаюсь тебя напугать, но ты должен заставить Цай Вэня направить туда один отряд.

Елюй Даши обратился к Ли Цзяньхуну.

— Ли Цзяньхун, я здесь главнокомандующий. Разделиться!

Ли Цзяньхун ничего не мог поделать, кроме как оставить эту тему. Он и Елюй Даши по отдельности спустились с холма, разделили свои силы на две части и тихо приблизились к противнику. То, чего они так долго ждали, выдерживая целый месяц осады, случилось именно сегодня. Обсудив план действий, Ли Цзяньхун и Елюй Даши единогласно решили вести с монгольской армией битву на истощение — сначала нужно было затянуть дело до начала осени, а затем отправить гонца с ложными сведениями. Предсказуемо, что послание было перехвачено монгольской армией, и так же предсказуемо, что они выбрали сегодняшнюю ночь для удара.

Основные силы монголов уже подошли к западным воротам и молча возводили осадные

лестницы.

Цай Вэнь возглавлял городскую стражу, готовящую свои холодные стрелы.

Ли Цзяньхун командовал двумя тысячами элитных войск, и копыта их лошадей гулко застучали по земле, непрерывно приближаясь к врагу со спины.

— Заряжай! — взревел Ли Цзяньхун.

— Заряжай!

Двухтысячный отряд смертников ворвался в лагерь Юань. Во все стороны взметалось пламя, громко взрывались бочки с горючим и сырой нефтью, выли лошади и загорались склады с продовольствием и фуражом монгольской армии. Пламя окрасило горизонт в красный цвет.

Высоко подняв факел, монгольский солдат бросился на платформу с гонгом, чтобы бить тревогу, и Ли Цзяньхун пронесся мимо на лошади и выпустил стрелу. Солдат упал на золотой гонг, и кровь брызгами разлетелась в воздухе.

— Заряжай...

Елюй Даши начал обходить лагерь со своими войсками, поджег хранилище сырой нефти, и все вокруг вспыхнуло ярким пламенем.

Одновременно с этим предводитель монгольской армии издал вопль, направляя катапульты, чтобы те швырнули в Шанцзин партию горящих бочек с маслом.

Пламя разошлось во все стороны. Городская стража сыпала стрелами, и вдруг тела монгольских солдат устелили землю. Из тыла прибыл гонец с вестью о налете на их лагерь, с надвратных башен на них обрушивались камни и стрелы, снаряды лились как проливной дождь, и только тогда монгольская армия поняла, что попала в ловушку. Угэдэй ворвался со своими войсками, крича во всю мощь своих легких, а Елюй Даши начал атаковать их фланг. Хорошо обученная монгольская армия методично сменила строй, укрывая осаждающих под городскими стенами.

Елюй Даши и Угэдэй бросили друг другу гневные проклятия на киданьском и монгольском.

— Зачем ты так на него кричишь?! — зарычал на него Ли Цзяньхун. — Убивай их! Хватит кричать!

Как только Ли Цзяньхун закончил поджигать главный лагерь монгольской армии и прибыл со своими войсками, третий отряд вступил в бой, и местность под западными воротами Шанцзина

превратилась в мясорубку — все три пути отступления монгольской армии были отрезаны, и остался лишь один проход. По здравому размышлению, они должны были отступать на юг, но Угэдэй принял смелое решение: он попытается вырваться из окружения армии, прорвавшись через Елюй Даши.

Как только Ли Цзяньхун увидел смену строя, он выругался про себя и тут же выпустил стрелу, чтобы сбить гонца с коня, но было уже слишком поздно. Пятидесятитысячная армия монголов начала менять направление движения, как один великан. Враг, похоже, был намерен до смерти сопротивляться силам Ли Цзяньхуна, в то время как Угэдэй повел свое главное войско в неожиданную атаку на Елюй Даши.

Они обрушились на него подобно приливной волне; застигнутые врасплох, ряды Елюй Даши рассыпались, и он поспешно отступил с центральной позиции. Ли Цзяньхун с его войсками вплотную приблизился к нему, как острие кинжала, и в тот момент, когда Елюй Даши был поражен стрелой и близок к тому, чтобы упасть на землю, Ли Цзяньхун в последнюю секунду решительным ударом копья подхватил его и бросил обратно на коня.

Ли Цзяньхун прокричал:

— Откройте ворота!

Южные ворота открылись, и двадцатитысячное войско, лежавшее здесь в засаде, наконец-то вышло, а Угэдэй попытался скрыться, направляясь к северным воротам. Ли Цзяньхун, только взглянув на путь отступления Угэдэя, тут же помчался обратно к южным воротам, чтобы обойти Шанцзин и настичь его через северные ворота.

Киданьские войска насчитывали чуть более двадцати тысяч человек, в то время как почти десять тысяч монгольских воинов уже погибли в бою, и осталось лишь более сорока тысяч; они были втянуты в напряженную битву между северными и западными воротами. Авангард Угэдэя уже добрался до северных ворот, и вскоре отовсюду полетели огненные снаряды, и все здания внутри северных ворот превратились в море пламени.

Огненные бочки по траектории влетели в городские стены и упали внутрь Академии Биюн. С громким треском они взорвались, и пламя взметнулось вверх.

Дуань Лин мгновенно проснулся.

Все вокруг закричали, и раздался звук открывающихся дверей, из комнат вышли босые юноши. Дуань Лин с мечом в руке встряхнул Цай Яня; огонь уже добрался до их двери.

— Монгольская армия здесь! — кто-то воскликнул.

— Без паники! — выпрыгнул из окна и прокричал Дуань Лин. — Бегите через западную

сторону!

Все молодые люди, чьи комнаты находились рядом с Дуань Лином, вышли наружу, и кто-то воскликнул:

— Давайте сражаться! Осада прорвана! Мы не можем сдаться!

— Как вы собираетесь сражаться? Будете хватать их мечи голыми руками? — прокричал Дуань Лин. — Пока что бегите! Не пытайтесь храбриться!

Многие из них все еще обсуждали между собой, и Дуань Лин недовольно произнес:

— Вы можете оставаться, а я уйду!

— Я! Иду! — крикнул Хэлянь Бо. — Подожди, подожди!

И все поспешили за Дуань Лином, догоняя его.

— Где декан?!

— Не беспокойтесь о нем! — громко произнес Дуань Лин, — у нас нет времени думать даже о себе!

— Прихватите наши луки и колчаны! Возьмите их снаружи! — сказал Дуань Лин и побежал с мечом в руке.

Появился декан Тан и прокричал:

— Без паники! Все бегите по окраинам! Двигайтесь по тем местам, которые не горят! Мы соберемся в Прославленном зале!

Многие уже выбежали из переулка, Дуань Лин оглянулся по сторонам и, вспомнив, что отец рассказывал ему о пути отступления, проигнорировал Прославленный зал и направился в западный район города.

Военная мощь Елюй Даши была ограничена, и сегодня ночью он собрал практически все имеющиеся у него силы, чтобы одним махом уничтожить всех подчиненных Угэдэя, поэтому оборона северных ворот оказалась крайне ослабленной. Спустя четверть часа северные ворота пали, и монгольская армия ворвалась в город, переступая через тела своих братьев по оружию и мертвых лошадей.

И вот уже Цай Вэнь возглавил оборону города, чтобы как можно быстрее укрепить северные ворота. Около двух тысяч монгольских солдат уже вошли в город, пробираясь по главным улицам и переулкам, расстреливая всех, кто попадался им на глаза, включая женщин, детей, стариков и немощных. Повсюду внезапно появлялись трупы, дома превращались в бушующий ад и рушились один за другим. Городской патруль отчаянно сражался с ними и вынудил монгольскую армию вернуться в северный район.

Академия Биюн уже горела; слуги пытались тушить огонь ведрами с водой, но их застрелил монгольский солдат. Дуань Лин не мог больше тратить время на поиски людей, он развернулся, выхватил меч, и вспышка света от лезвия ослепила глаза. В это же время солдат достал саблю и сделал выпад в его сторону — и когда казалось, что он вот-вот разрубит Дуань Лина пополам, тот, словно по инстинкту, поднял меч и повернул лезвие вверх, встречая нисходящий удар воина. Острия меча и сабли скрестились, и в мгновение половина руки солдата упала!

Воин упал с лошади, и Дуань Лин прокричал:

— Бежим!

Они бежали из переулка через полный хаос: многие здания по обеим сторонам улицы горели, а бой между монгольской армией и городской стражей уже усеял землю трупами. Цай Янь воскликнул:

— Отступайте! Все отступаем!

Хэлянь Бо, Цай Янь, Дуань Лин и их товарищи по школе подобрали с земли луки и стрелы, не в силах определить, чье это оружие — киданьской или монгольской армии, и отступили в переулок. Втроем они хватали деревянные доски и крышки от ведер, держа их перед собой как щиты. Позади них находилась кучка ученых, палящих во все стороны без всякого намека на меткость.

— Я попал! — восторженно прокричал молодой человек.

Городских стражников становилось все меньше и меньше, и Цай Янь позвал:

— Брат! Брат!

Не успели они и глазом моргнуть, как монгольский солдат вбежал в их оборонительный периметр. Дуань Лин мгновенно развернулся, рубанул мечом ногу лошади, и солдат упал на землю вместе с ней. Воин выкрикнул странные звуки и бросился к ним, выхватывая саблю для атаки, но Дуань Лин еще раз увернулся, и тот промахнулся. Цай Янь и Дуань Лин двинулись одновременно, и два меча вонзились в сердце и спину солдата.

Дуань Лин спокойно посмотрел вверх.

Монгольских солдат становилось все больше и больше, и, похоже, городская стража не могла долго сдерживать их. Все воины вливались в переулочек, и Дуань Лин подумал: это плохо.

Цай Янь спросил:

— Бежим?

— Мы не можем бежать! — произнес Дуань Лин. — Они пристрелят нас, как только мы побежим! Отступаем! Отступаем!

Монгольские солдаты снова и снова били по ним своими боевыми конями, и когда их оборона уже почти провалилась, с внешней стороны переулочка раздалось еще одно рычание.

— Угэдэй! — голос Ли Цзяньхуна, казалось, раздавался на всю округу.

У Дуань Лина расширились глаза. В этот момент Вань Ли Бэнь Сяо прыгнул по воздуху, перешагивая через крыши одноэтажных домов, стоящих на улице, и Ли Цзяньхун вбежал в дом, облаченный в пропитанные кровью доспехи. С Чжэньшаньхэ в левой руке и алебардой в правой Ли Цзяньхун спустился вниз подобно богу войны, и за считанные мгновения разрубил монгольских солдат, преграждающих ему путь: конечности и кровь в неистовстве разлетались — некоторые солдаты и лошади даже были разрублены пополам!

И как только он закончил, Ли Цзяньхун прищипил коня и выехал из переулочка, чтобы присоединиться к подкреплению и сразиться с монгольскими солдатами, вторгшимися в северные ворота.

К тому времени, когда Дуань Лин и остальные выбежали из переулочка, Ли Цзяньхун уже исчез, а перед ними остались монгольские и киданьские солдаты, столкнувшиеся в борьбе не на жизнь, а на смерть. Оборонительная линия монголов продолжила отступать, и вскоре они снова оказались изгнаны из северных ворот. Каждый киданьский солдат в бою восседал на высоком коне и был облачен в железные доспехи, и, по мнению Дуань Лина, все они были похожи на Ли Цзяньхуна.

— Папа...

Дуань Лин только собрался позвать его, как Хэлянь Бо внезапно схватил его за руку и утащил с дороги на скаку.

— Пошли! — закричал Цай Янь.

Дюжина или более молодых людей прошли через главную улицу в западный район. Несмотря на то, что Дуань Лин беспокоился за отца, он не решался бежать, к тому же Цай Янь был все еще болен. Они свернули в переулок, из дальнего конца которого доносилось цоканье лошадиных копыт, а навстречу им мчались три монгольских воина, беспорядочно пуская в них стрелы. Все начали кричать, но Дуань Лин устремился к всадникам. Хэлянь Бо и Цай Янь взяли по деревянной доске и бросились в переулок, чтобы заслонить Дуань Лина от стрел. Тут раздалось три звука — и монгольские воины попадали с лошадей.

Ли Цзяньхун остановил свою лошадь сразу за переулком. Небо начало светать. За пределами улицы боевые кличи звучали все громче и громче, складываясь в сплошной гул.

— Идите по переулкам в сторону западного района города, — сказал Ли Цзяньхун. — Направляйтесь в Прославленный зал. Не зажигайте ламп.

Юноши вошли в заднюю дверь жилого дома, Дуань Лин стоял в самом конце строя. Он обернулся и посмотрел на Ли Цзяньхуна.

— Я видел группу детей.

Ли Цзяньхун тяжело дышал, но не сходил с места. Он тихо сказал Дуань Лину:

— Что-то меня беспокоило — что-то было не так, и я решил попытаться спасти всех, кого смогу. Хорошо, что я приехал проверить.

По какой-то странной причине именно в этот момент у Дуань Лина потекли слезы. Ли Цзяньхун указал на дом рядом с ними, давая понять, что ему нужно поторопиться, и добавил:

— Я уже ухожу.

Дуань Лин кивнул ему и быстро догнал остальных ребят.

Дорога была пустынной, и по мере удаления от северной части города шум тоже постепенно стихал. Поскольку они не знали, как протекает бой, и находились недалеко от владений Цай, Цай Янь сказал им:

— Давайте на время спрячемся в моем доме.

Молодые люди и устали, и проголодались. Все они кивнули в ответ на это предложение и вошли в его дом.

Надеясь найти какую-нибудь еду, Цай Янь несколько раз позвал слуг, но никто ему не ответил. Вещи в доме были разбросаны повсюду, очевидно, его обокрали. Дуань Лин вышел на улицу,

чтобы осмотреть задний двор, и нашел в углу мертвого монгольского солдата с торчащей из спины стрелой. Похоже, он бежал сюда после того, как его подстрелили; тело еще не остыло.

— Здесь мертвец, — спокойно произнес Дуань Лин, отпивая воды.

— Не беспокойтесь о нем, — Цай Янь. — Все идите в парадный зал.

Хэлянь Бо перевернул вверх дном кухню поместья Цай, но обнаружил, что там ничего нет — огонь не зажигался уже несколько дней, а плита была ледяной. Все, что они могли сделать, это набрать воды из колодца, чтобы попить, а кто-то нарвал листьев с дерева, чтобы пожевать.

— Пейте больше воды, — сказал Дуань Лин. — Вода восполнит ваши силы, а если вы срежете немного коры с дерева, это еще утолит ваш голод.

Дуань Лин снова проверил лоб Цай Яня — у него все еще был жар, и каждый из них уже давно голодал, поэтому все прислонились друг к другу. Хэлянь Бо храпел, по его подбородку стекала слюна, а Дуань Лин взял подушку, лег рядом с ним и, положив руку на меч, задремал.

Цай Янь заснул, перекинувшись через стол. То тут, то там каждый из них нашел себе место для сна в парадном зале. Он не знал, сколько времени прошло, прежде чем снаружи снова послышался стук копыт. К этому моменту все они, взбудораженные пережитым накануне, подскочили с мест, где лежали. Дуань Лин встал за воротами, выглянул наружу и увидел, что к ним направлялся окровавленный солдат в форме городской стражи.

— Здесь кто-нибудь есть? — спросил солдат.

Хэлянь Бо толкнул дверь, но Дуань Лин не показался, опасаясь, что это дезертир, пришедший их ограбить. К счастью, солдат сказал им:

— Бой окончен. Приходите на тренировочную площадку возле штаба городской стражи. Там есть еда.

Все вознесли благодарность небесам, а Хэлянь Бо побежал за ним.

— Мон... Мон... Монголы у... ушли...

Солдату было совсем не до него, и через мгновение он исчез. Все молодые люди разразились радостным смехом, каждый из них по-прежнему был одет в нижнюю рубашку и короткие штаны. Оглянувшись вокруг, они встретили взгляды друг друга и почувствовали себя так, словно заново родились.

Несмотря на то, что Дуань Лин вчера перекусил, он так проголодался, что теперь ему

мерещились звезды. Увы, их группа была так велика, что им пришлось преодолеть почти половину Шанцзина, да еще и шел дождь — путешествие вымотало их до предела. Когда они добрались до штаба городской стражи, солнце уже село.

На площадке перед штабом городской стражи лежали раненные, громко стонущие от боли, а куски доспехов были разбросаны по всей земле.

Пожар внутри северных ворот уже был потушен, похоже, что Шанцзин был разграблен. При виде этого у Дуань Лина разрывалось сердце. Он оглядывался по сторонам, пытаясь найти Ли Цзяньхуна, и в море людей, снующих туда-сюда, между ними словно возникла некая непередаваемая связь, направляющая его взгляд, так что ему удалось отыскать отца с одного взгляда.

Доспехи Ли Цзяньхуна были покрыты темно-красной кровью. Он стоял у главного входа в здание городской стражи и разговаривал с раненым Елюй Даши.

Дуань Лин уже собирался подбежать к нему, но заметил на его лице суровое выражение. Его глаза не открывались от Елюй Даши, но один из пальцев левой руки слегка покачивался в сторону Дуань Лина.

Он понял, что Ли Цзяньхун не хотел, чтобы Елюй Даши его видел, поэтому повернул назад, чтобы присоединиться к толпе и догнать Цай Яня, который бежал со всех ног.

Носилки одну за другой заносили в палатку, и Цай Янь с тревогой спросил:

— Где мой брат?

— Господин Цай, — к нему кто-то обратился.

Это был солдат. Дуань Лин шел с Цай Янем, а солдат протянул тому лепешку.

— Съешьте пока вот это.

Цай Янь взял ее и, не задумываясь, передал Дуань Лину. Он заправил ее под верхний халат и пошел за Цай Янем в большую палатку, застеленную белой тканью; она была заполнена ранеными. Цай Янь остановился, но солдат продолжил идти вперед, пока не дошел до самого конца. Там лежал только один человек. Все его тело было покрыто белой тканью.

Цай Янь молча опустился на колени перед телом и сдернул белую ткань, открывая перед собой залитое кровью и грязью лицо Цай Вэня. Из его груди торчала половина стрелы, а рука обхватывала ее вторую половину.

— Его боевые навыки были не на высоте. Елюй Даши повысил его только из-за моего отца, — сказал Дуань Лину Цай Янь. — Я попросил твоего отца научить меня его стилю владения мечом, потому что хотел научить брата, чтобы он мог спастись.

Закончив говорить, Цай Янь в изнеможении упал в объятия Дуань Лина.

Дуань Лин вытер слезы, а чтобы Цай Янь не проснулся и не расстроился при виде тела брата, он с трудом вынес его из палатки, где солдаты при его виде начали волноваться. Они подошли к нему, чтобы проверить температуру — был обжигающий жар. В конце концов, он был членом семьи, а его брат даже пожертвовал собой ради страны, и поэтому они сказали армейскому врачу, чтобы он осмотрел Цай Яня.

Доктор выписал рецепт для снижения жара, и Дуань Лин одолжил у него котелок, чтобы вскипятить лекарство на большой армейской плите, где солдаты разожгли огонь, а затем напоил им Цай Яня с помощью тростниковой трубки. Прошел еще один напряженный вечер, прежде чем кто-то пришел к ним и сказал Дуань Лину:

— Эй, вам двоим следует отправиться в Прославленный зал. Там вас ждет глава Академии Биюн.

Солдат из городской стражи одолжил плоскую повозку и посадил на нее Дуань Лина и Цай Яня. К тому времени, как они добрались до Прославленного зала, было уже за полночь. Цай Янь выглядел немного лучше, но его все еще лихорадило, и он время от времени разговаривал во сне. Хэлянь Бо, которого они потеряли где-то за пределами тренировочных площадок, тоже добрался сюда, как и многие молодые люди из Академии Биюн. Когда монгольская армия вошла в город, из тех, кто бежал недостаточно быстро, погибло довольно много людей. К счастью, все успели вовремя спастись, и декан Тан остался жив.

Дуань Лин увидел главу школы: он присматривал за детьми из Прославленного зала, рассказывая им историю.

— После этого Гуань Чжун застрелил сына князя У, Бая, — говорил школьникам глава. — Бай громко закричал и упал в карету*.

* Гуань Чжун — китайский мыслитель и политик периода Весны и Осени, признанный основоположник легизма. Князь У был с 697 по 678 год до н.э. десятым правителем династии Чжоу государства Цинь, которое в конечном счете объединило Китай и превратилось в династию Цинь.

Дуань Лин сидел, откинувшись на пятки, в самом конце ряда детей, и когда он поднял глаза, то увидел рядом с главой лампу, свет которой ниспадал на картину «Тысяча ли рек и гор»*, и не мог не вспомнить тот день, когда он расстался с Бату. Жизнь от колыбели до могилы — все это сродни неземному сну.

* Эта картина (свиток) существует. Ее изображение в высоком разрешении можно увидеть на странице китайского художника Ван Симэна в википедии.

На следующий день Цай Янь наконец проснулся, но Дуань Лин так устал, что заснул.

— Эй, — сказал Цай Янь, — пора поесть.

На третий день после ухода монгольской армии Шанцзин наконец-то начал возвращаться в некое подобие порядка. Учителя раздали еду, но порции были жалко малы. К ним быстро подошел сокурсник по имени Хуянь На.

— Пришел декан. Он велит всем спускаться вниз.

Дуань Лин помог Цай Яню сойти с лестницы. Декан оборудовал еще одну комнату в Прославленном зале.

— Переключка, — сказал декан Тан. — Выходите из комнаты, когда назовут ваше имя, а те, кто вышел, должны подождать в прихожей. Сяо Жун...

Каждый студент, чье имя было названо, выходил вперед и говорил «здесь», а декан Тан делал отметку в журнале.

—... Здесь? — декан Тан назвал имя, но никто не ответил.

Кто-то сказал:

— Больше нет.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Его застрелила монгольская армия, — ответил тот же человек.

Дин Тан хмыкнул во все горло:

— Он мертв, — и нарисовал круг в журнале. Он долго-долго молчал, прежде чем продолжил называть следующие имена.

— Хэлянь Бо.

— Здесь.

Хэлянь Бо сделал шаг вперед.

Декан Тан кивнул и указал пальцем на улицу.

— Твоя мать пришла за тобой. Тогда иди. А насчет того, когда возобновится учеба, ждите объявления.

Хэлянь Бо вопросительно взглянул на Дуань Лина, и тот помахал ему рукой, зная, что Ли Цзяньхун придет.

— Цай Янь, — спросил декан Тан. — Ты здесь?

Цай Янь не ответил, и Дуань Лин сказал:

— Он здесь.

Господин Тан заметил Цай Яня.

— Иди, подожди в саду. Через некоторое время за тобой приедет семья.

— У меня больше нет семьи. Мой брат умер.

— Тогда иди пока домой один. Жди объявления о возобновлении занятий.

Цай Янь развернулся и вышел на улицу. Дуань Лин хотел последовать за ним, но декан Тан узнал его.

— Дуань Лин?

— Да.

— Ты тоже иди. Отведи Цай Яня домой.

Дуань Лин кивнул. Он вывел Цай Яня из зала, и они вместе ждали рассвета под лучами солнца. Он уже много раз ждал здесь, на этом самом месте; когда-то он с тоской ждал здесь Лан Цзюнься, а Цай Вэнь приезжал на высокой лошади и свистел им из-за ворот. Тогда Бату еще не уехал, и сколько бы он ни ждал, никто за ним не приходил. Когда толпа в конце концов расходилась, он еще некоторое время бродил вокруг, а потом возвращался в свою комнату за постельным бельем и отправлялся спать в литературный павильон.

В переулке кипела жизнь: родители учеников из Академии Бюон и Прославленного зала пришли за своими детьми и внезапно столпились у дверей. Их лица были перепачканы, одежда растрепана, а некоторые даже были испачканы кровью.

— Мама...

— Твоего отца больше нет...

Рыдания не прекращались. Люди кричали «отойдите, отойдите», торопливо бросая деревянные жетоны привратнику, и уходили, как только находили своих детей.

Цай Янь прислонился к столбу и заснул.

— Цай Янь?

Дуань Лин собирался сказать: «Пойдем ко мне домой».

Но Цай Янь произнес:

— Иди. Дай мне немного поспать.

Единственное, что мог сделать Дуань Лин, — это снять с себя верхний халат и накрыть им его.

Пришел Ли Цзяньхун. Он, как всегда, был одет в грубую полотняную одежду, а на голове у него была бамбуковая шляпа. Стоя за оградой и купаясь в первых отблесках рассвета, он улыбался Дуань Лину.

Дуань Лин тихонько встал и подбежал к забору.

— Ты закончил с работой?

Ли Цзяньхун сказал ему:

— Почему ты не надел халат? Вдруг заболеешь? Давай, пойдем уже.

— У меня нет жетона. Придется сначала найти декана, чтобы он меня выписал.

— Я приехал за собственным сыном, а выписывать тебя должен кто-то другой? Что это за логика? Подожди меня, я сейчас войду.

Ли Цзяньхун уже собрался лезть на стену, но Дуань Лин остановил его.

— Ш-ш-ш...

Дуань Лин обернулся, чтобы посмотреть на Цай Яня, и в тот момент, когда он собирался снова что-то сказать, Ли Цзяньхун поднял руку, показывая, что понимает. Он поманил его, давая понять, что им лучше уйти вместе и поговорить позже.

Дуань Лин вернулся в здание, нашел декана и взял у него исписанный листок. Он протянул его Цай Яню, и тот открыл глаза, но взгляд его казался пустым, он смотрел на Дуань Лина, словно не узнавая его. Дуань Лин снова проверил его лоб: у Цай Яня все еще был слабый жар.

— Пойдем ко мне, — сказал Дуань Лин, — давай.

— Что? — тихо спросил Цай Янь.

У него разрывалось сердце от одного взгляда на него, но Дуань Лин не знал, что сказать. В этот момент зашел Ли Цзяньхун; он посмотрел на Цай Яня, и тот снова закрыл глаза. Дуань Лин мог лишь попытаться подхватить обессиленного Цай Яня под руку. Ли Цзяньхун нагнулся, поднял его и вместе с Дуань Лином пошел домой.

В тот вечер в их доме было еще много еды. Найдя место для Цай Яня, Дуань Лин набрал воду из колодца, чтобы Ли Цзяньхун искупался и вымыл волосы. Ли Цзяньхун сидел на маленьком табурете перед изгородью у колодца голый, и лунный свет освещал его кожу; он был похож на леопарда, который только что принес жертву в свое логово.

Когда Дуань Лин вытирал ему спину и чистил грудь, в воздухе витал ржавый запах крови, и Ли Цзяньхун опустил испачканные кровью руки в ведро, чтобы вымыть их.

— Папа.

Дуань Лин взял ведро и вылил воду на голову Ли Цзяньхуна.

— Эй, сын! — сказал ему Ли Цзяньхун. — Всегда есть вещи, которые, какими бы опасными и трудными они ни были, даже если ты знаешь, что они могут закончиться только верной смертью, все равно нужно сделать. Не жалея его.

Дуань Лин ответил негромким хмыканьем.

Он опустился на колени позади Ли Цзяньхуна, обхватил его за талию и уперся лицом в его спину, вздыхая.

— Мы сможем вернуться очень скоро.

Когда они легли спать, Ли Цзяньхун натянул одеяло на них двоих.

Дуань Лин посмотрел на полог кровати над собой.

— Было бы замечательно, если бы никто и никогда больше не ходил на войну.

— Твой четвертый дядя тоже часто так говорил. Всякий раз, когда я возвращался с победой, я вспоминал его слова.

Дуань Лин перевернулся на спину и, опираясь на руку Ли Цзяньхуна, закрыл глаза и уснул.

На следующий день Цай Янь снова проснулся, температура спала, но он был очень слаб. Когда он собирался встать с кровати, то подслушал разговор Дуань Лина и Ли Цзяньхуна во дворе.

— Вот как надо прыгать. С цветочного горшка на забор, потом на стену. Давай.

Когда Ли Цзяньхун показывал Дуань Лину, как надо запрыгивать на стену, он всегда легко забирался туда одним прыжком, но Дуань Лин каждый раз падал. Тогда Ли Цзяньхун подшучивал над ним.

— Я не могу туда запрыгнуть! Я же не ты!

Дуань Лин достиг того возраста, когда его голос начал меняться: он стал хриплым, как у утки, и Ли Цзяньхун с серьезным лицом подражал его манере говорить:

— Я не могу туда прыгнуть! Папа! Подними меня!

Дуань Лин злился, но и находил это забавным — он просто не мог ничего поделаться с Ли Цзяньхуном. Тот подпер его под ребра, чтобы он мог повторить попытку с меньшей силой, и когда Цай Янь спустился с кровати, Ли Цзяньхун сразу же услышал его.

— Тебе лучше? — спросил Ли Цзяньхун.

Цай Янь кивнул, и Ли Цзяньхун указал Дуань Лину, чтобы тот присмотрел за ним. Они втроем начали завтракать за общим столом, и Цай Янь все время молчал. Закончив, он отложил палочки.

— Спасибо за гостеприимство. Я, пожалуй, пойду.

Дуань Лин начал:

— Почему бы...

Но Ли Цзяньхун прервал его:

— Идешь домой?

Цай Янь кивнул.

— Мне нужно забрать брата. Кто-то должен быть дома, так что мне нужно вернуться и проверить, как там дела.

Ли Цзяньхун кивнул и посмотрел в глаза Дуань Лину. Тот вспомнил, что отец велел ему делать утром, и сказал:

— Тогда... позаботься о себе. Я навещу тебя через несколько дней.

Цай Янь ответил:

— Спасибо.

Цай Янь отвесил ему глубокий поклон, и Дуань Лин поспешно встал, чтобы ответить ему тем же. Цай Янь быстро прошел по коридору и ушел, не забыв закрыть за собой ворота.

«За время, проведенное на земле, всегда найдутся дела, которые, какими бы опасными и трудными они ни были, даже если знаешь, что они могут закончиться только верной смертью, все равно нужно сделать.»

«Разве Цай Вэнь не мог поступить иначе?»

Ответ Ли Цзяньхуна был таков:

— Нет, потому что у него не было другого выбора.

Отец Цай Вэня и Цай Яня — Цай Е — когда-то был ученым центральной равнины. После того как император Ляо захватил столицу, Цай Е перешел на сторону Ляо и стал одним из основателей, создавших Южную администрацию. Спустя годы из-за заговора, затеянного

империей Чэнь, чтобы посеять раздор в рядах Ляо, Цай Е был обвинен в преступлении, которого не совершал, и предан смерти императором Ляо, оставив двух братьев на произвол судьбы. В южной части континента оставалось мало Цаев. Когда Елюй Даши пересмотрел дело Цай Е, перед ним встала сложнейшая проблема — как обустроить семью Цай.

Все с ужасом думали о том, что потомок Цай станет южным чиновником, а северная бюрократия находилась под жестким контролем семьи Хань и императрицы Сяо. Елюй Даши негде было кого-то подсунуть. Единственный высокопоставленный пост, на который подходил Цай Вэнь, — это военный чиновник. Так что же, отправить его в армию? Он не мог этого сделать — у него дома был младший брат, о котором нужно было заботиться. Поэтому Елюй Даши назначил Цай Вэня капитаном городской стражи Шанцзина и всячески старался его поддерживать.

Цаи никогда не были из рода воинов, поэтому Цай Вэнь усердно тренировался, чтобы справиться с этой задачей, но, увы, лучшее время для обучения боевым искусствам в его жизни уже прошло; отсутствие хорошей основы не позволило ему стать великим бойцом. Пока все было мирно, он справлялся, но стоило государству подвергнуться вторжению, и все было кончено. Прежде чем Ли Цзяньхун приступил к выполнению плана, он несколько раз согласовывал его с Елюй Даши, и тот считал, что, хотя способности Цай Вэня не соответствовали стандартам, его преданность не вызывала сомнений — он будет защищать Шанцзин до смерти.

Как они и ожидали, Цай Вэнь погиб в бою. В обмен на жизнь сына, рожденного от наложницы, лояльность семьи Цай к Елюй Даши теперь была неоспорима, а будущее Цай Яня, несомненно, будет светлым.

— Это тоже когда-нибудь пройдет, — сказал сыну Ли Цзяньхун. — Есть вещи, которые мы должны делать, даже если это обернется верной смертью. Вот что значит быть конфуцианцем*.

* 士 / Shi можно перевести как воин или ученый, но Ли Цзяньхун имеет в виду не профессию, а приверженность конфуцианству — выполнение своего долга в рамках определенной роли.

После войны в Шанцзине постепенно восстановилась нормальная жизнь. Академия Биюн сгорела, поэтому, пока там наводили порядок и спасали коллекцию книг, студентам устроили длительные каникулы. Через три дня декан Тан выбрал новое место; днем они ходили в школу, а вечером возвращались домой.

Когда Дуань Лин снова увидел Цай Яня, ему стало ужасно грустно, но, как учил его Ли Цзяньхун, если тот не заговорит об этом, Дуань Лин тоже не спросит — он просто будет делать вид, что ничего не произошло. После смерти Цай Вэня Цай Янь стал еще более неразговорчивым, чем прежде: он редко перебрасывался фразами с одноклассниками, и даже с Дуань Лином он общался очень редко, и в основном речь шла об учебе. Как только занятия в школе заканчивались, он собирал сумку и отправлялся домой.

Тем временем Дуань Лин проводил день в школе и тренировался в боевых искусствах с Ли

Цзяньхуном, как только после обеда заканчивалась школа. Он стал чувствовать, что ему не хватает времени. Все то время, которое он тратил впустую в прошлом, казалось ему откровенным грехом.

Как долго ему придется тренироваться, чтобы стать таким же способным, как его отец? Он часто задумывался над этим вопросом, но никогда не произносил его вслух. Вместо этого он спрашивал: «Когда же я смогу стать таким, как Лан Цзюнься?»

— Под солнцем так много людей, — произнес Ли Цзяньхун, быстро полируя меч Дуань Лина, — но из всех этих людей только четверо стали убийцами. Ты же не собираешься становиться наемным убийцей, так зачем тебе подражать им?

Дуань Лин потерял дар речи.

— Учись, сколько сможешь. Просто изучать боевые искусства недостаточно, нужно еще и практиковаться. Учитель может провести тебя через дверь, но сколько труда ты приложишь, зависит только от тебя.

Дуань Лин утвердительно хмыкнул: за последние несколько месяцев он тоже сильно повзрослел и развил свою внутреннюю силу. Хотя по сравнению с такими чудаками, как Лан Цзюнься и У Ду, ему было еще далеко до успеха, но, приложив немного усилий, он уже мог взобраться на вершину стены.

Наступила очередная зима. Дуань Лин отсчитывал дни один за другим, и если Елюй Даши был человеком слова, то Ли Цзяньхуну уже пора было уезжать. Но он не спрашивал, и Ли Цзяньхун тоже ничего не говорил. И пока первый снег не выпал с большим опозданием и не устелил Шанцзин серебряным ковром и руководитель учебного отдела не разослал студентам письма о том, что ремонт в Академии Биюн будет закончен к Новому году, все оставалось по-прежнему.

Занятия возобновятся в третьем месяце.

Сегодня Ли Цзяньхун закончил обучение, и Дуань Лин перешел к завершающей форме стиля. За почти девять месяцев он выучил только один стиль меча. Когда он все еще находился во дворе, сосредоточившись на тренировке с мечом, пришел гость.

— Он дезертировал, — это был голос Сюн Чунь.

Ли Цзяньхун стоял в коридоре, и Дуань Лин уже подумывал обратиться к нему, как тот поднял руку, указывая во двор, что означало, что он должен был продолжить тренироваться и не подходить к ним.

— Перед тем как он ушел, я сказал ему, что, если ему нужно, он может немного залечь на дно.

Сюн Чунь ничего не произнесла. Ее фигура была скрыта за стеной призрачного образа*, отбрасывающей тень на снег.

* Чжаоби или инби — экран из камня или кирпича с внутренней стороны главных ворот. В интернете пишут, что эта стена нужна была для того, чтобы дом не посещали призраки, так как, по верованиям китайцев, призраки путешествуют по прямым линиям, инби — барьер, который придется обогнуть, чтобы попасть во внутреннее пространство.

— На ближайшие несколько лет я оставляю это место в твоих руках.

Сюн Чунь по-прежнему ничего не говорила.

Спустя мгновение Ли Цзяньхун добавил:

— В конце концов ты отомстишь, но сейчас не время.

Сюн Чунь вздохнула.

— Пока я лично не приду, не позволяй никому забирать его отсюда.

— Как скажете, — ответила Сюн Чунь.

Во дворе, засыпанном снегом, Дуань Лин услышал шорох, как будто Сюн Чунь что-то достала. Вскоре она продолжила:

— Это письмо, которое наша госпожа хотела передать ему в тот день, когда мы с ним расстались. За все эти годы оно побывало во многих руках, но в итоге так и не попало к нему*.

* Здесь «он» — это шиди, так называют младшего ученика, который учился в той же школе, что и говорящий.

— Сколько ему лет? — отстраненно спросил Ли Цзяньхун.

— Он заявил о себе в шестнадцать. В год, когда он начал работать на Чжао Куя, ему было девятнадцать. Если он сочтет нужным вернуться на правильный путь, пожалуйста, оставьте его в живых, Ваше Высочество.

— Трудно сказать, на каком пути он находится — на неправильном или на правильном, — холодно прокомментировал Ли Цзяньхун. — Прекрасная птица сидит только на прекрасном дереве, а мы все связаны со своей судьбой. Ты убиваешь меня, я убиваю тебя — вот и все. Он честен в своих чувствах, в отличие от Лан Цзюнься; если он согласится перейти ко мне, я

обязательно найду ему применение. Можешь идти.

Сюн Чунь слегка поклонилась и удалилась.

Ли Цзяньхун развернулся в коридоре, и с мечом в руке Дуань Лин обернулся, чтобы встретиться взглядом с отцом. Долгое время они молча смотрели друг другу в глаза.

— Папе нужно идти.

— Как долго тебя не будет?

— Как минимум один год, максимум два.

— О, — ответил Дуань Лин и продолжил заниматься.

Ли Цзяньхун пошел по извилистому коридору в гостиную. Дуань Лин всегда знал, что этот день наступит, поэтому он испытал не столько удивление, сколько чувство потери.

Он еще некоторое время тренировался, а когда повернулся, чтобы посмотреть на Ли Цзяньхуна, то увидел, что тот сидел в центре зала и спокойно наблюдал за ним. Ветерок взметал снежинки, кружа между ними, и исчезал на глазах.

— Может, в будущем ты и не станешь лучшим императором, — начал улыбаться Ли Цзяньхун, — но ты будешь самым красивым императором с начала времен.

Дуань Лин смущенно улыбнулся. Он вырос, и каждое его движение, каждый шаг несли в себе ауру, унаследованную от Ли Цзяньхуна, но она не казалась ему такой яркой. Как будто между гостиной и двором было зеркало, и все еще немного юный Дуань Лин с одной стороны был отражением зрелого, статного Ли Цзяньхуна.

— Я очень хочу пойти с тобой. Но я знаю, что не должен доставлять тебе неприятности, я...

— Не говори больше, — отмахнулся от его слов Ли Цзяньхун. — Еще раз заговоришь, и я больше не уйду. Я вообще не хотел уезжать.

С определенного дня Дуань Лин стал стесняться обнимать Ли Цзяньхуна. За прошедший год он многому научился; общество Ли Цзяньхуна ускорило его развитие и сделало его более зрелым. Дуань Лин все обдумывал и решал, как взрослый человек.

Была самая холодная зима в Шанцзине за последние десять лет. Навалившийся снег засыпал парадные ворота, а во дворе скопилось почти два чи снега. В гостиной горел очаг, и Ли

Цзяньхун начал обучать Дуань Лина внутреннему устройству императорского двора, управлению государством и другим вопросам, связанным с Южной Чэнь. Хотя в Чэнь было три департамента и шесть министерств*, на самом деле им управляли по одному высокопоставленному гражданскому и военному чиновнику. Чжао Куй был генералом с большими заслугами, заслуживший лавры в битве при реке Хуай. Когда чэньские военные отступили с поражением, именно Чжао Куй помог семье Ли выбраться невредимыми и перебраться в Сычуань.

* Государственное устройство на схеме:

Что касается Му Куанды, то он происходил из знатного рода Цзиньчуань, а в ряды чиновников попал благодаря тому, что занял первое место на экзамене в императорском дворце. Войдя в императорский двор, он стабилизировал положение Великой Чэнь и стал настоящим столпом империи.

Император Юга был хронически болен с тех пор, как перенес столицу, и до сих пор официально не выбрал наследника. Четвертый принц Ли Яньцю помогал в государственных делах, пока Ли Цзяньхун вел военную кампанию за границей. По праву наследником должен быть старший, поэтому вступить в наследство должен был Ли Цзяньхун. Раньше он был близок с военными, и Чжао Куй стал самым верным его сторонником, но со временем Чжао Куй перестал его поддерживать.

— Почему так? — спросил Дуань Лин.

— Подстрекательство. Жажда славы. Они боятся, что, став императором, я соберу слишком много войск и вырою могилу Великой Чэнь. Но, судя по нынешнему положению дел, Ляо больше не является нашим самым грозным врагом. А все потому, что Ляо слишком долгое время считали центральной равнину своим домом — теперь Ляо просто еще одна Хань. Еще дальше к северу от Ляо находится другой волк, который ждет своего шанса, чтобы двинуться на юг.

— Поэтому в долгосрочной перспективе мы должны заключить союз с Ляо и вместе противостоять Юань, — продолжил Ли Цзяньхун.

— Месть за вторжение и ненависть за потерю дома придется пока отложить. Если мы и дальше будем уравнивать друг друга, то и кидани, и ханьцы будут истреблены Домом Борджигин. Они как шакалы: каждый захваченный ими город — это еще один истребленный город*.

* С точки зрения вторгшихся народов так и выглядит, но именно так небольшие силы вроде монгольской коалиции племен смогли уничтожить целые империи. Несколько массовых убийств (оставив достаточно людей, чтобы они убежали и рассказали о том, как это было ужасно) — так они убеждали в серьезности угрозы. Монгольская армия всегда ставила городам ультиматум: сдавайтесь, или вы все умрете. После первых нескольких городов все остальные просто сдавались, когда монголы подходили к их воротам. В долгосрочной перспективе это на самом деле убивало гораздо меньше людей, чем война на истощение.

От Ли Цзяньхуна Дуань Лин также узнал о многих основных особенностях государственной системы Ляо. С тех пор как основатель Ляо вышел на центральную равнину, императорский двор Ляо делился на чиновников южной и северной сторон. Большинство чиновников южной стороны были ханьцами, в то время как среди чиновников северной стороны был только один ханьский чиновник, а остальные — кидани. Фактическая власть северного правительства была разделена на Южную и Северную администрации, которые отвечали за вооруженные силы.

Южная и Северная администрации обладали властью над всей империей Ляо. Единственным ханьцем в Южной администрации был Хань Вэйюн, императрица Сяо поддерживала его, а принцем Северной администрации был Елюй Даши.

Хань Вэйюн и Елюй Даши имели равные шансы на власть в Ляо. Несколько лет назад сын Хань Вэйюна, Хань Цзели, приехал в Шанцзин, чтобы учиться в школе, и в рамках этой договоренности он был помещен сюда в качестве заложника. После окончания школы Хань Цзели под каким-то предлогом уехал. Очевидно, что с Елюй Даши они не чувствовали себя полностью в безопасности.

— Молодой Елюй Даши был северным тигром. Однако за эти годы он слишком хорошо обустроился, много пил и позволил своему аппетиту к красивым женщинам подорвать его здоровье. Подумать только, он так плохо держался в строю, что, когда в него попала стрела, он упал с лошади, так что можно представить, как Ляо будет жить в будущем.

— Вино из Калины...

Дуань Лин до сих пор помнил, что произошло в первый день его приезда в Шанцзин с Лан Цзюнься.

— Назвать его ядом невозможно. Но в долгосрочной перспективе, выпив его, человек растратит свою силу. Их цель — не Елюй Даши. Это император Ляо и Хань Вэйюн.

— Прежде чем им удалось убить Елюй Лунсюя, этот старик умер. Сейчас же императрица Сяо присматривает за молодым императором Елюй Цзунчжэнем, а он уже много лет не приезжал в Шанцзин; он ни за что не пойдет в Калиновый двор, так что еще меньше шансов, что он даст им повод.

— Борджигин Бату, Елюй Цзунчжэнь, Цай Янь, Хэлянь Бо, Хань Цзели... в будущем все эти люди могут стать твоими врагами, — закончил Ли Цзяньхун.

Дуань Лин долго молчал.

— Я позабочусь о тех, о ком смогу, ради тебя. Вернувшись на юг, я не собираюсь принимать титул императора. Твой дед уже на смертном одре, он не может управлять государством. Все, что я могу сделать, это заставить его отречься от престола в пользу твоего дяди, а он объявит тебя своим наследником. Других кандидатов нет.

— А как же ты?

— Папа не может стать императором. Сначала я должен помочь твоему дяде освободиться от контроля Му Куанды и Чжао Куя.

— Как он сейчас?

— Он хронически болен. И он ничего не может поделать с этими влиятельными чиновниками. Власть Му Куанды над правительством огромна, но это означает, что с ним легко иметь дело. Больше всего проблем доставляет Чжао Куй, который контролирует военных.

— Почему? По-моему, с Му Куандой сложнее иметь дело.

— Потому, что Му Куанда умный. Он ученый. Он не посмеет установить новый режим и сам стать императором. Если он сможет контролировать твоего дядю, то получит все, что захочет, — по сути, он станет императором. Но Чжао Куй не такой. Он сам хочет стать императором.

— Потому что он солдат.

Дуань Лин теперь все понял.

Ли Цзяньхун кивнул.

— Он хотел восстать еще со времен битвы на реке Хуай. Он набирает таланты, вербует солдат, покупает лошадей, собирает частную армию — ждет того дня, когда сможет назвать себя императором. Но пока я не умру, его душа никогда не успокоится. Чжао Куй — сильный противник.

Слова «сильный противник» Дуань Лин впервые услышал из разговора с отцом; он прекрасно понимал, что с Чжао Куем справиться крайне сложно, но Ли Цзяньхун должен был понимать все тонкости своего противника гораздо лучше, чем Дуань Лин. Иногда он мечтал быстрее повзрослеть, чтобы быть ему полезным, но прекрасно знал, что, когда дело дойдет до командования армией и войны, даже если он всю жизнь будет учиться, он не сможет сравниться с отцом.

Он вдруг понял, что сказал ему Лан Цзюнься, а ведь все эти слова он держал при себе. Какой смысл учиться сражаться? Даже если ты научишься, ты никогда не будешь так хорош, как твой отец. Если ты хочешь достичь чего-то великого и стать полезным для мира человеком, единственное, что ты можешь сделать, — это учиться.